

КВЕСТ 1

Кратко: события происходят в формате мира + в конце словеска. Всё происходит на даче у Волошина в Коктебеле.

Вещи: чемодан с нарядами, тетрадь, деревянная перьевая ручка (если найдем), черный кофе

Ввод:

Совсем недавно я выпустила свой первый сборник стихов “Вечерний альбом”. Мне было всего 18 лет, я еще не окончила гимназии. Но всё же смогла собрать деньги и выпустила свой первый сборник. В нём было 111 стихотворений, поделенных на три тематических раздела — «Детство», «Любовь» и «Только тени». Критики сразу слетелись на него, я получала много положительных комментариев, людям нравились мои стихотворения. В частности, сборник оценил мой друг Максимилиан Волошин. Он писал:

*«К Вам душа так радостно влекома!
О, какая веет благодать
От страниц «Вечернего альбома»!
(Почему «альбом», а не «тетрадь»?)
Почему скрывает чепчик чёрный
Чистый лоб, а на глазах очки?
Я заметил только взгляд покорный
И младенческий овал щеки,
Детский рот и простоту движений,
Связанность спокойно-скромных поз...
В Вашей книге столько достижений...
Кто же Вы?
Простите мой вопрос.
Я лежу сегодня — невралгия,
Боль, как тихая виолончель...
Ваших слов касания благие
И в стихах крылатый взмах качель
Убаюкивают боль... Скитальцы,
Мы живём для трепета тоски...
(Чьи прохладно-ласковые пальцы
В темноте мне трогают виски?)
Ваша книга странно взволновала —
В ней сокрытое обнажено,
В ней страна, где всех путей начало,
Но куда возврата не дано.
Помню всё: рассвет, сиявший строго,
Жажду сразу всех земных дорог,
Всех путей... И было всё... так много!
Как давно я перешёл порог!
Кто Вам дал такую ясность красок?
Кто Вам дал такую точность слов?
Смелость всё сказать: от детских ласок
До весенних новолунных снов?
Ваша книга — это весть «оттуда»,
Утренняя благостная весть.
Я давно уж не приемлю чуда,*

Но как сладко слышать:

«Чудо — есть!»».

После выпуска сборника я решила, что не буду сдавать экзамен в педагогический восьмой класс и вообще прекратила занятия в гимназии. Я собиралась в Гурзуф. Но Волошин договорился о её приезде в Коктебель. После целого дня певучей арбы по дебрям восточного Крыма я впервые ступила на Коктебельскую землю, перед самым Максиным домом, из которого уже огромными прыжками, по белой внешней лестнице, неся мне навстречу — совершенно новый, неузнаваемый Макс. Макс легенды, а чаще сплетни (злостной!), Макс в кавычках «хитона», то есть попросту длинной полотняной рубашки, Макс сандалий... Макс полынного веночка и цветной подпояски, Макс широченной улыбки гостеприимства, Макс — Коктебеля.

Дети: Вера Эфрон, Елизавета Эфрон, Мария\Сергей (любые имена, их не существует)

Орг: Сергей Эфрон, Ася Цветаева (если можно)

Всё начинается с того, что мы сидим на даче у Волошина.

Сергей: Макс искал Вас.

Цветаева: Вот и я, а он куда запропастился?

Сергей: Да убежал, Вы же знаете, Макс в Коктебеле это совсем другой человек. Я смотрю, вы с ним близки, не так ли? Раз он статьи о Вас пишет.

Цветаева: Статьи? Я не видела никаких. Что за статьи?

Сергей: Да неужели вы не читали газет?

Цветаева: Я газет не читаю и никого не вижу. Мой отец до сих пор не знает, что я выпустила книгу. Может быть, знает, но молчит. И в гимназии молчат

Сергей: А вы — в гимназии? Да, вы ведь в форме. А что вы делаете в гимназии.

Цветаева: Пишу стихи.

Сергей: Тогда держите, прочитайте.

**Цветаева дает кому-то из детей прочитать* (Смотри приложение)*

Цветаева: Вся статья - самый беззаветный гимн женскому творчеству и семнадцатилетию. Макс Волошин был первым, кто прочитал «Вечерний альбом» и сразу же на него отозвался, именно поэтому я нахожусь сейчас здесь. В моей книге он увидел почти всё. Он оценил в стихах главное - искренность. Он мне сказал, никому в поэзии не удавалось писать о детстве из детства. Его слова: Это очень юная и неопытная книга, - её нужно читать подряд, как дневник, и тогда каждая строчка будет понятна и уместна. Автор её владеет не только стихами, но и чёткой внешностью внутреннего наблюдения. Не взрослый стих, иногда неуверенный в себе и ломающийся, как детский голос, умеет передать оттенки, недоступные стиху взрослому. «Вечерний альбом» – это прекрасная книга, исполненная истинно женским обаянием».

Сергей: То есть вы всё-так близки с ним?

Цветаева: Не могу понять к чему вы клоните.

Сергей: А если прям сейчас, то что-то написать можете?

Цветаева: Ну просто так взять и сесть я не могу.

Сергей: А что для этого надо? Вам сейчас “имена детей” помогут.

Цветаева: Изначально нужно все убрать со стола.

убирают

Сергей: Что-то еще?

Цветаева: Мне нужна тетрадь, на отдельных листах я не пишу.

находят тетрадь

Цветаева: Мне нужна деревянная ручка с тонким пером (если найдем)

Цветаева: Также, мне нужен черный кофе, который будет стоять на столе.

Теперь я сажусь, никто не должен меня отвлекать. *(Лбом упиралась в ладонь, пальцы запускала в волосы, сосредоточивалась мгновенно. Глохла и слепла ко всему, что не рукопись, в которую буквально вживалась — острием мысли и пера).* Она села писать, а дети остались с Эфроном.

Сергей: Вы не представляете как меня обворожила Марина, мне кажется, что прекраснее девушки я не видал. Как бы мне ее пригласить? *(обсуждают на какое свидание ее позвать, в итоге выходят к пляжу)*

Спустя какое-то время

Цветаева: Получилось немного, но вполне прилично.

Есть такие голоса,

Что смолкаешь, им не вторя,

Что предвидишь чудеса.

Есть огромные глаза

Цвета моря...

Сергей: Это потрясающе. Может прогуляемся на пляж?

Цветаева: Давайте. Я вас догоню.

Эфрон уходит

Цветаева: Что же мне надеть? Помогите выбрать, пожалуйста, вот у меня тут есть...

Дальше дети с Мариной одевают ее на свидание

Дальше дети закрываются глаза и здесь романтический текст о том, как влюбляются на пляже.
[\(На выходных напишу\)](#)

Вывод: Совсем скоро после этой прогулки по пляжу мы обвенчались с Серёжей. Нам пришлось ждать год, чтобы Сереже исполнилось 18, и мы могли пожениться. Мы очень сильно друг друга полюбили. Первое время мы жили в полной любви и гармонии. Наши отношения были очень нежными и уважительными: «Мы никогда не расстанемся. Наша встреча — чудо... Он — мой самый родной на всю жизнь. Я никогда бы не могла любить кого-нибудь другого, у меня слишком много тоски и протеста. Только при нем я могу жить так, как живу — совершенно свободная»

Да, я, пожалуй, странный человек,

Другим на диво!

Быть, несмотря на наш двадцатый век,

Такой счастливой!

Не слушая о тайном сходстве душ,

Ни всех тому подобных басен,

Всем говорить, что у меня есть муж,

Что он прекрасен!..

Я с вызовом ношу его кольцо!

— Да, в Вечности — жена, не на бумаге. —
Его чрезмерно узкое лицо
Подобно шпаге.

Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.

Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза — прекрасно-бесполезны! —
Под крыльями распахнутых бровей —
Две бездны.

В его лице я рыцарству верна,
— Всем вам, кто жил и умирал без страха! —
Такие — в роковые времена —
Слагают стансы — и идут на плаху.

КВЕСТ 2

Знакомство и дружба с Парнок.

Кратко: Мы приходим на литературный вечер, где выступает Парнок, там Цветаева его восхищается и наоборот. У них завязывается дружба.

Ввод: Я была частым гостем в литературных салонах. Могла прийти туда как с мужем, так и без него. На этот раз я решила отправиться одна. Часто пересекалась с каким-то людьми, не могу сказать, что они вызывали у меня какой-то восторг. Уважение - да. Сама я периодически тоже выступала на таких мероприятиях. Самым интересным там для меня казалось это встречать разнообразных людей. Кто-то мог быть интересным, а кто-то до ужаса скучен. Надеюсь, что сегодняшнее мое посещение особняка писательницы Аделаиды Герцык не разочарует меня.

*Что ты любовь моя —
Пора бы знать.
Приди в полночный час,
Скажи, как звать.
Приди в полночный час,
В полночный бой.
Спит матушка с отцом,
Мне спать — с тобой.
Рукою стукни в дверь!
На этот стук
Спросонья скажет мать:
— Еловый сук!
И в горенку скорей!
Скорей в постель!
Тебя теснее обовью,
Чем плющ и хмель.*

*Что ты любовь моя —
Пора бы знать.
Приди в полночный час,
Скажи, как звать.*

Дети: Гости литературного салона.

Орги: София Парнок, (если есть еще свободные, то можно гостями посадить)

Всё начинается с выступления Парнок. Она читает стихотворение:

Да, я одна. В час расставанья
Сиротство ты душе предрек.
Одна, как в первый день созданья
Во всей вселенной человек!
Но, что сулил ты в гневе суетном,
То суждено не мне одной, -
Не о сиротстве ль повествует нам
Признанья тех, кто чист душой.
И в том нет высшего, нет лучшего,
Кто раз, хотя бы раз, скорбя,
Не вздрогнул бы от строчки Тютчева:
«Другому как понять тебя?»

Цветаева сидит с детьми и восхищается тем какая прекрасная девушка и как хорошо она читает. Хочет узнать кто это. Следующей выходит читать Марина.

Мы с тобою лишь два отголоска:
Ты затихнул, и я замолчу.
Мы когда-то с покорностью воска
Отдались роковому лучу.
Это чувство сладчайшим недугом
Наши души терзало и жгло.
Оттого тебя чувствовать другом
Мне порою до слез тяжело.
Станет горечь улыбкою скоро,
И усталостью станет печаль.
Жаль не слова, поверь, и не взора, —
Только тайны утраченной жаль!
От тебя, утомленный анатом,
Я познала сладчайшее зло.
Оттого тебя чувствовать братом
Мне порою до слез тяжело.

Аплодируют. Марина куда-то уходит (за помадой), Софья подсаживается к детям.

Она узнает у них про то кто такая Марина. Потом представляется сама: меня зовут София Парнок, я являюсь поэтессой и литературным критиком, меня очень впечатлили стихотворения вашей подруги, и я бы хотела с ней поближе познакомиться.

Дальше она спрашивает куда она ушла, дети отвечают, что за помадой. София просит детей помочь подстроить встречу Марины и Софии, чтоб необычно начать разговор. Они обсуждают план, но в итоге приходят к:

когда вернется Марина, то нужно, чтобы кто-то подошел и обратил внимание на Парнок, затем все дети должны тихоньку окружить их и сказать “Знакомьтесь же, Господа!” потом поцеловала руку Марины, а кто-то легонько толкнуть Марину, чтобы она выронила папирос, София ее подняла.

Марина ей скажет:

*И лоб Ваш властолюбивый
Под тяжестью рыжей каски,
Не женщина и не мальчик,
Но что-то сильнее меня!*

Дальше дети представляют Парнок Марине. София восхищенно высказывается об стихотворениях Марины. Марина говорит, что ей пора уходить, так как ее дома ждет дочь, но они обязательно увидятся.

Вывод: Эту встречу я запомнила на всю свою жизнь. София была прекрасной подругой, следующие полтора года мы жили рука об руку, она была самым близким для меня человеком. Сережа даже иногда ревновал меня к ней. Я выпустила сборник “Подруга”, где все стихотворения были посвящены ей:

*Вы счастливы? — Не скажете! Едва ли!
И лучше — пусть!
Вы слишком многих, мнитесь, целовали,
Отсюда грусть.*

*Всех героинь шекспировских трагедий
Я вижу в Вас.
Вас, юная трагическая леди,
Никто не спас!*

*Вы так устали повторять любовный
Речитатив!
Чугунный обод на руке бескровной —
Красноречив!*

*Я Вас люблю. — Как грозовая туча
Над Вами — грех —
За то, что Вы язвительны и жгучи
И лучше всех,*

*За то, что мы, что наши жизни — разны
Во тьме дорог,
За Ваши вдохновенные соблазны
И тёмный рок,*

*За то, что Вам, мой демон крутолобый,
Скажу прости,
За то, что Вас — хоть разорвись над гробом! —
Уж не спасти!*

*За эту дрожь, за то — что — неужели
Мне снится сон? —
За эту ироническую прелесть,
Что Вы — не он.*

Общаясь друг с другом мы были одновременно счастливы и несчастны, мы часто забывали о других людях, потому что проводили много времени друг с другом, а если не проводили, то ревновали, сильно. Это приводило ко многим ссорам. И в итоге к самой большой ссоре, после которой мы совсем перестали общаться. Эта дружба принесла мне столько боли, я боле не хочу ничего и слышать о Софии Парнок, это было катастрофой всей моей жизни.

*Безумье — и благоразумье,
Позор — и честь,
Всё, что наводит на раздумье,
Всё слишком есть —
Во мне. — Все каторжные страсти
Свились в одну! —
Так в волосах моих — все масти
Ведут войну!
Я знаю весь любовный шёпот,
— Ах, наизусть! —
— Мой двадцатидвухлетний опыт —
Сплошная грусть!
Но облик мой — невинно розов,
— Что ни скажи! —
Я виртуоз из виртуозов
В искусстве лжи.
В ней, запускаемой как мячик
— Ловимый вновь! —
Моих прабабушек-полячек
Сказалась кровь.
Лгу оттого, что по кладбищам
Трава растёт,
Лгу оттого, что по кладбищам
Метель метёт...
От скрипки — от автомобиля —
Шелков, огня...
От пытки, что не все любили
Одну меня!
От боли, что не я — невеста
У жениха...
От жеста и стиха — для жеста
И для стиха!
От нежного боа на шее...
И как могу
Не лгать, — раз голос мой нежнее, —
Когда я лгу...*

КВЕСТ 3

Кратко: приезд Мандельштама в квартиру Цветаевой, там разговор с ней, а дети его подслушивают под видом работников.

Ввод: С Осипом Мандельштамом мы впервые познакомились тогда же, когда и с Сережей на даче у Волошина, но в тот момент мы совсем не обратили друг на друга внимания помню, что я шла к морю, он с моря. В калитке Волошинского сада – разминулись. Но в мой последний приезд Петрограде в январе, мы с ним смогли пообщаться поближе. Мандельштам тогда подарил мне свою книгу стихов «Камень». Поэзию Мандельштама я всегда ценила высоко, видела в ней «магию», «чару», несмотря на «путаность и хаотичность мысли». Он пленил меня своей высокой степенью словесного совершенства. «Если существует Бог поэзии - то Мандельштам - его гонец. Он доносит до людей божественный голос точным и чистым». Он очень увлекся мною, как и я им, хотя, возможно, ему показалось обратное.

Никто ничего не отнял!

Мне сладостно, что мы врозь.

Целую Вас — через сотни

Разъединяющих верст.

Я знаю, наш дар — неравен,

Мой голос впервые — тих.

Что Вам, молодой Державин,

Мой невоспитанный стих!

На страшный полет крейцу Вас:

Лети, молодой орел!

Ты солнце стерпел, не щурясь, —

Юный ли взгляд мой тяжел?

Нежней и бесповоротней

Никто не глядел Вам вслед...

Целую Вас — через сотни

Разъединяющих лет.

Дети: у Цветаевой - работники её дома, у Мандельштама - его друзья, которые приехали с ним.

Дальше это всё - диалоги ОМ и МЦ, а дети прислуга в доме, но им очень интересно, поэтому они убираются, готовят, выполняют какие-то поручения МЦ или ОМ. Всё время находятся в комнате, занимаясь каким-то делом прислуги.

Мир: всё начинается с того, что Марина говорит, что хочет начать писать. Тут просит работников снова подготовить ей рабочее место (надеемся, что по памяти, но если нет, то она им говорит), во время этой подготовки в дверь кто-то стучится. Она просит кого-то из детей открыть дверь.

ОМ: Поэт Осип Мандельштам. Петербургский знакомый Марины Ивановны...

МЦ: Кто там пришел?

Кто-то из детей передает, что это Осип.

МЦ встаёт и подходит к нему.

ОМ: Здравствуйте. Можно пройти?

МЦ: Осип, здравствуй. *протягивает ему руку на поцелуй*

ОМ целует руку!

МЦ: Я часто о вас думала. Ваши стихи это что-то потрясающее. Я искренне считаю вас гением.

ОМ: Это очень приятно слышать, я думал, что Вы уже и забыли меня. Боялся, что встреча в Петрограде не осталась в вашей памяти.

МЦ: Что ж мы стоим, давайте пройдем на кухню, выпьем кофе. \Детям\, подготовьте всё для нас, пожалуйста. Кофе, булочки, масло и варенье. \дети делают бутеры\

ОМ: Я никогда еще не видел такого интересного дома — он похож на шкатулку с секретом.

МЦ: Да, это так. Потому мы сюда и перебрались. Квартира и в самом деле необыкновенная. Вы заметили, сколько здесь этажей?

ОМ: — Ну конечно. В вашем доме два этажа.

МЦ: — Так кажется, если глядеть на него с улицы. Квартира трехэтажная — вот вам первый секрет нашей шкатулки. А ведь есть и другие... Я влюблена в этот дом и никуда отсюда не уеду. Я переехала сюда с мужем Сергеем Эфроном переехали два года тому назад. Дом мне сразу понравился: у одной из комнат был выход на плоскую крышу, в потолке другой — окно, еще тут были интересные узкие лесенки. Сергей хотел присмотреть квартиру побольше, в современном доходном доме: они могли позволить себе многое. Но я решила, что жить надо здесь, а он привык меня слушаться.

Особнячок, который нам подарили к свадьбе, мы сдали. Его арендовала частная психиатрическая лечебница, моя родня решила, что это дурной знак. Тот дом был очень уютный, напоминал особнячок в Трехпрудном, где много лет жило семейство Цветаевых... Но я грустила только о лохматом дворовом псе Османе: я очень любила собак, а с домами и вещами расставалась без сожаления.

ОМ: Да, я тоже очень сильно люблю собак...

МЦ: Кажется это единственная вещь в которой мы с вами схожи

ОМ: Да, вы правы. Ведь я сын порвавшего с общиной мелкого купца-еврея, мастера перчаточника, несостоявшегося раввина... А вы Дочь создателя и пожизненного почетного опекуна московского музея изящных искусств имени Александра III, будущего Пушкинского, знаменитого ученого, профессора Московского университета, знатока античности... В руки моего отца навеки въелась черная краска от кож, с которыми он работал, русский царь не стал бы с ним разговаривать ни при каких обстоятельствах — а Иван Владимирович Цветаев, ваш отец, был представлен императору.

МЦ: Это, наверное, не столь важно. Хотя и детство наше прошло по-разному. Я много путешествовала...

ОМ: Я тоже, только качество этих путешествий у меня совсем другое.

МЦ: Да, я прекрасно понимаю. А почему вы сейчас не на фронте?

ОМ: Изначально я рвался, но по здоровью не подошел, хотя сейчас даже смешно вспоминать мои порывы.

МЦ: А мой муж Серёжа сейчас там.

ОМ: Ваш муж...

МЦ: Да, Сергей Эфрон. Он тоже был на даче у Макса. Вы не помните?

ОМ: Немного припоминаю...

МЦ: Что вы так смутились...

ОМ: Да так, ничего.

МЦ: А почему вы вообще оказались в Москве?

ОМ: он кашлянул, потер подбородок и сказал, что давно собирался посмотреть Москву. Быть может, Марина Ивановна покажет ему свой город...

МЦ: Конечно, с удовольствием. Я люблю Москву и готова вам показать и рассказать о ней. Может сейчас прогуляемся?

ОМ: Хорошо. Только я же приехал не один, так что придется идти всем вместе.

МЦ: Ничего страшного, будет большая экскурсия.

одеваются и идут гулять

ОМ: Марина, я должна вам признаться. Я приехал сюда не ради Москвы, а ради вас. Тогда в Петрограде вы... вы очаровали меня. Я не мог вам этого сказать, ведь у вас есть муж. Но я невероятно влюблен в вас. Вы не представляете как хорошо бродить по чужому городу с женщиной, в которую влюблен, — очаровательной, близкой и в то же время недоступной. Это хмелит сильнее вина, кружит голову больше, чем опиум.

МЦ: Мне лестно ваше внимание. Невероятно приятно слышать такое признание от человека, которого я считаю настоящим гением. После нашей встречи я написала кое-что...

Разлетелось в серебряные дребезги

Зеркало, и в нем — взгляд.

Лебеди мои, лебеди

Сегодня домой летят!

Из облачной выси выпало

Мне прямо на грудь — перо.

Я сегодня во сне рассыпала

Мелкое серебро.

Серебряный клич — звонок.

Серебряно мне — петь!

Мой выкормыш! Лебеденок!

Хорошо ли тебе лететь?

Пойду и не скажусь

Ни матери, ни сродникам.

Пойду и встану в церкви,

И помолюсь угодникам

О лебеде молоденьком.

ОМ: Марина! Как это прекрасно! Вы настоящий гений! Я тоже писал...

*В разноголосице девического хора
Все церкви нежные поют на голос свой,
И в дугах каменных Успенского собора
Мне брови чудятся, высокие, дугой.
И с укрепленного архангелами вала
Я город озираю на чудной высоте.
В стенах Акрополя печаль меня снедала
По русском имени и русской красоте.
Не диво ль дивное, что вертоград нам снится,
Где реют голуби в горячей синеве,
Что православные крюки поет черница:
Успенье нежное — Флоренция в Москве.
И пятиглавые московские соборы
С их итальянскою и русскою душой
Напоминают мне явление Авроры,
Но с русским именем и в шубке меховой.*

МЦ: Знаете, Москва не та, что несколько лет назад: в войну город изменился. На улицах появилось много солдат из запасных полков, в трамваях толкались локтями злые на весь мир заводские рабочие и эвакуированные из западных губерний. Стало больше грубости и грязи, в воздухе витало ожидание чего-то дурного.

ОМ: Я всё равно очарован городом, мне кажется, что тут еще жива настоящая, допетровская, нутряная Россия. Боюсь, что мне пора возвращаться в Петроград. Марина, я буду скучать... Прощайте, я приеду еще! Мы еще увидимся!

Они расходятся, МЦ возвращается домой.

Вывод: Он вернулся в Петроград — и снова появился в Москве: его поездки продолжались вплоть до июня. Осип метался между двумя городами, и это сильно обременяло его кошелек. Так продолжалось до лета — в июне он навестил меня под Москвой, в Александрове, я жила там с дочкой Ариадной и сыном сестры Андрюшей.

Мандельштам приехал в Александров для последнего, решительного объяснения. Он был измотан тем, что происходило между нами в последние месяцы, а я относилась к нему с большой теплотой, но без всякого надрыва. Когда он приехал, ему предложили прогуляться, но Мандельштам лег отсыпаться. Он попытался было сесть в единственное кресло, но оно предназначалось цветаевскому племяннику Андрюше,

других в него не пускали. Попросил шоколада — единственная плитка оказалась детской. Но это еще можно выдержать, куда хуже была неопределенность в отношениях. Осипа томило скверное предчувствие. Его любовные дела между тем шли на лад: в Александрове он впервые поцеловал меня — еще недавно, в Петербурге, Мандельштам был бы на седьмом небе от счастья. Но теперь это выглядело по-другому: маленький домик, овраги, черемуха, бабы, с воем провожающие на фронт новобранцев, плац, где солдаты кололи штыками соломенные чучела, няня маленького Андрюши с глазами как у волка и волчьим же оскалом, торчащие из земли иконы, страшная монашка, бык, я, ни с того ни с сего подпустившая его к себе... Александров все больше казался ему каким-то жутким, зачарованным местом, откуда хотелось бежать. Он не думал о том, что здешняя жизнь могла успеть надоесть мне, что это его шанс, которого больше может не представиться. Мандельштам поступил так: сказал, что уезжает в Коктебель, к поэту Волошину. Мы всей семьей проводили его на вокзал. Он хотел мне в очередной раз признаться в любви, но громкий звонок поезда не дал ему сделать этого. Я побежала было за вагоном, но остановилась у края платформы. До меня долетел крик машущего обеими руками Мандельштама:

— Мне так не хочется в Крым!

Этим все и кончилось. Позже, в Коктебеле, я просила друзей не оставлять ее наедине с Мандельштамом — бегства из Александрова я ему не простила.

*Ты запрокидываешь голову
Затем, что ты гордец и враль.
Какого спутника веселого
Привел мне нынешний февраль!*

*Преследуемы оборванцами
И медленно пуская дым,
Торжественными чужестранцами
Проходим городом родным.*

*Чьи руки бережные нежили
Твои ресницы, красота,
И по каким терновалежиям
Лавровая твоя верста...—*

*Не спрашиваю. Дух мой алчущий
Переборол уже мечту.
В тебе божественного мальчика,—
Десятилетнего я чту.*

*Помедлим у реки, полощущей
Цветные бусы фонарей.*

*Я доведу тебя до площади,
Видавшей отроков-царей...*

*Мальчишескую боль высвистывай,
И сердце зажимай в горсти...
Мой хладнокровный, мой неистовый
Вольноотпущенник — прости!*

КВЕСТ 4

Кратко: Словеска о том, Марина живет в бедности, не хочет работать и сдает детей в приют. Заканчивается всё на смерти ее младшей дочери Иры.

Ввод: В какой-то момент жизнь пошла под откос. Началась гражданская война, Серёжа уехал на фронт, связаться с ним я не могла никак, так что всё это время мне приходилось просто ждать и надеяться, что он жив. Я осталась одна с двумя детьми: Ариадной и Ириной.

*За винтиком винтик, шуруп за шурупом, —
Мы в пекле, мы в саже — и так до кончины!
Мы света не видим, мы только — машины.
Спешат наши пальцы. Шуруп за шурупом.
От адского грохота — смолоду гложнем!
За винтиком винтик, шуруп за шурупом...
А в этот же час, на земле этой самой
Небесную музыку слушают дамы
В шелках и напитки небесные тянут
Из рюмок... Ответную музыку даме:
— За винтиком винтик, шуруп за шурупом, —
Скрываем за стиснутыми зубами.
А есть же на свете поля золотые!
— За винтиком винтик, шуруп за шурупом, —
Янтарный ячмень, золотая пшеница...
А люди, как псы, подымают в столицах!
Мы, женщины, слышим родящую землю!
Мы, женщины, помним о собственном лоне!
Сегодня — колесико, винт меж винтами,
А завтра мы песню споем — кулаками!
К нам с Волги приходят великие вести.
Мы видим: смеющееся поколение,
С детьми на руках и с детьми на коленях...
Работает время. Шуруп за шурупом.*

Словеска:

Я никогда не думала, что окажусь в подобной ситуации, когда денег не хватает даже на еду. Работать какой-нибудь посудомойкой за гроши я не хочу и не буду, мое жизненное призвание - писать стихи, а не мыть полы за какую-то мелочь. На своём творчестве я себя-то точно смогу прокормить, а вот Алю и Иришку не уверена. Нужно придумать какой-то способ. Что можно сделать?...

- Дети предлагают разные варианты, вряд ли прозвучит вариант про сдачу в приют, так что она сама об этом скажет. Но если прозвучал, то соглашается.

Кажется, что сдать в приют моих девочек уже не кажется чем-то таким страшным, наоборот, может их там лучше прокормят.

Ой, что это за **бумажка в моем кармане**. Что мне с ней сделать?

1. Прочитать - читаем:

Марина, как же ты прекрасна, я думаю о тебе всегда и буду думать. Я до сих пор помню тот день в Коктебеле, рядом с тобой я всегда чувствую, будто мне 18.

Ответ Цветаевой: как же я скучаю по Сереже, я даже не знаю где он сейчас да я даже не зна. жив ли он, надеюсь, что да. Я не справлюсь без него, был бы он сейчас здесь

2. Выкинуть бумажку - выкидываем.

Ответ Цветаевой: я вспоминаю как раньше мне такие бумажки Сережа подкладывал, как же я скучаю по Сереже, я даже не знаю где он сейчас да я даже не зна. жив ли он, надеюсь, что да. Я не справлюсь без него, был бы он сейчас здесь.

Но его здесь нет и надо как-то справляться одной. Итак, я решила, что нужно отвезти Алю и Ирину в приют. Мы шли по **холодному городу**, какая-то бабка крикнула мне и попросила подать мелочи. Тут я остановилась и задумалась, а нужно ли дать ей денег.

1. Да - Кинула ей немного мелочи, которую нашла в кармане. Аля сказала, что это может хватить на обед, но я проигнорировала её, и мы пошли дальше.
2. Нет - Хотя да. Просить у меня? Что за наглость.

Мы пришли с девочками в кунцевский приют, я уверена, что здесь их прокормить смогут лучше чем я.

- Мам, а это точно необходимо? Денег с продажи вещей не хватит?
- Я не знаю, Алечка, может и хватит. Хотя, нет. Не хватит. Я уверяю тебя, что здесь вас прокормят лучше. Только не говорите никому в приюте, что я ваша мать. Я для вас тётя, а то вас не примут сюда. Аля, золотце мое, позаботься о своей сестре, чтоб она здесь никому не докучала, хорошо?
- Хорошо, мам.

Вот я и оставила девочек. Аля разумнее своей сестрице. Маленькая плакса эта Ира. Я не рассмотрела свои, конечно, это место, но уверена, что там о них позаботятся получше.

Может вернуться посмотреть как там и что?

1. Возвращаемся - Всё здесь выглядит довольно печально, приют изнутри не очень красив. Дети выглядят грустными и уставшими, но кто знает, может с родными им было бы хуже. А у кого-то и нет родных, поэтому мы не можем отвечать за них. Никто не знает чтобы могло произойти.
2. Не возвращаемся - и правильно. Зачем девочек тревожить лишний раз, вдруг ещё случайно назовут меня матерью, а их тогда оттуда выпрут, и что мы будем делать - не знаю. Аля сказала, что можно прожить на деньги с продажи вещей, но я в это не верю. Может я одна и смогу прожить, но обеспечивать ещё двоих девочек точно не смогу.

По возвращении домой приятно было услышать тишину, нет нигде плачущей Ирины, хотя при мне она мало плакала, но всё равно это делала. Можно что-то написать.

И так я возвращалась в тихую квартиру несколько дней подряд. Тут я получила какое-то **письмо**. Что с ним сделать?

1. Читаем - *Милая Марина! Здесь хорошо, дети не озорные. На Ирину жалуются. Везде очень чисто. Марина! Здесь два этажа. Мне жалко Вас. Марина! Другой ребенок гораздо умней Ирины. Он говорит, просится, сам чудно ест. В окно глядят ели. Всё*

время думаю об Вас! Здесь двадцать две комнаты. Сажу в другой комнате, чем Ирина. Она всё время орет. Немного шумна!

Ответ Цветаевой: Вот Ира конечно позорит меня. При мне даже звука бы не издала! А там всё разнылась. Надо, наверное, навестить их, точнее Алю, принести ей еды немного.

2. Не читаем - думаю, там ничего важного нет. Уже прошло 2 недели с того момента как я отвела девочек, может стоит их навестить? Наверное. Нужно принести Алечке немного **еды**.

Так сейчас собираю, вот, **хлеб, бутылка воды, можно еще шоколадку, чтоб сладкого поела**.

По приезду в приют мы слышим чей-то плач.

- Привет, Алечка!
- Здравствуй, Марина
- Правильно, правильно меня так зовешь. Что, Ира всё хнычет и ноет?
- Да, Марина, не знаем даже как ее успокоить.
- Ох уж это дитя несносное, что же с ней не так.
- Мам, ей кушать хочется
- Аля, не зови меня так! Нас же могут услышать.
- Да, прости
- Я вот принесла покушать, держи. **\Отдают еду**
- Спасибо
- Я на секунду отойду

Аля: мама принесла совсем немного еды, стоит ли ею поделиться с Ириной? Может хоть так она замолчит, а может..

1. Дать еду - плач прекращается. Ура, она замолчала, все-так хорошо, что мама приехала.
2. Не дать еду - плач не прекращается. Ладно, я хотя бы поем тогда.

Я не знаю каким способом можно привлечь внимание матери, как заставить её забрать нас отсюда. Здесь так ужасно, так плохо. Нас мало кормят, нас не любят и обижают. Но со мной ладно, Ире хуже, она совсем маленькая

Что можно сделать?

\дети предлагают разные варианты, если они говорят написать письмо, то выбрать это, если нет, то предложить самой

Написать письмо действительно неплохой вариант, нужно будет подложить его ей в куртку, чтоб она смогла прочитать его только по возвращении домой.

Что же там написать?

\Дети накидывают какой-то текст и сами его пишут и отдают Але

Осталось только положить записку в её карман, когда она вернется. Вот, кажется она идет.

- Да, Алечка, условия тут, конечно, не самые лучшие. Но мне, пожалуй, надо идти, я еще навещу тебя, не переживай.

Как только я вышла из приюта, то опять почувствовала в своем кармане какую-то записку. На этот раз я без раздумий решила ее прочитать: **\читаем текст, который накидали дети**

Бедная моя Алечка. Нет, так продолжаться не может. Надо скорее забрать её из этого страшного места. Срочно возвращаюсь туда за ней.

- Алечка, я вернулась, на этот раз я хочу забрать тебя.
- Меня с Иррой?
- Нет, только тебя. Ира много орёт и плачет, мне такого точно не надо в доме, я привыкла к тишине. Тем более вас обеих я не прокормлю.
- Но...

Аля задумалась и ушла в свои мысли, пытаясь придумать аргументы, чтобы мать согласилась взять с собой и Иру.

\дети выдумывают аргументы

- Нет. Это никак не повлияет на мой выбор, Алечка. Мы уходим с тобой отсюда. Вдвоем. Мы вернулись с Ариандой домой, всё было по-старому. Она не маленькая, много не ныла и не доставляла хлопот. В один из дней пришло письмо из приюта, Ир умерла с голоду. Но что я могла сделать? Обеих я бы не прокормила, тем более, Ира была такая маленькая и неприятная, не хотелось бы с ней связываться. Хорошо, что я забрала свою Алечку. Правда, Серёжа расстроится, если он ещё жив. Надеюсь жив, только бы был жив. Вот так проходила наша жизни в тяжелой время. В бедности проходила жизнь.

Вывод: Ирина была больной девочкой, слабой. Этим она меня и отталкивала постоянно, по сравнению с талантливой сестрой Ирочка казалась не просто заурядной: я считала малышку недоразвитой. Могла игнорировать, гостям о существовании Ирины просто не рассказывала. А зачем рассказывать о дефектном ребенке? Многие меня корили, что я на похороны не приехала, но я не смогла. Я хотела, она же мое дитя, но я не смогла. У Арианды температура поднялась.

*Под рокот гражданских бурь,
В лихую годину,
Даю тебе имя — мир,
В наследье — лазурь.
Отыйди, отыйди, Враг!
Храни, Троидиный,
Наследницу вечных благ
Младенца Ирину!*